

Очереди как таковой не было, поскольку билеты оказались проверенными ещё на входе в лагерь, а усталые маги-смотрители лишь присматривали за толпой. В итоге небольшие группки волшебников проходили через огромные ворота и рассасывались по стадиону.

Я успел слегка проголодаться. Вся еда лежит в сумке и доставать её будет на ходу неудобно. Единственное, что оказалось доступным — кусочек чёрного хлеба, лежащий в кармане. Хотя он был оставлен «на развод», да и мало его, но приглушить аппетит до момента, как доберёмся до места, хватит маленького кусочка. Буквально, чтобы выработать слюну. С таким же успехом можно было пожевать жевательную резинку или слопать конфету, но ни того, ни другого в быстром доступе опять же не имеется.

Из кармана была извлечена корочка Бородинского. В кармане в дополнение к Незримому расширению наложены манящие чары и заклинание стазиса, поэтому продукты там хранятся в первозданном виде, не портятся, а извлекаются легко и просто — достаточно положить руку в карман и подумать о нужной вещи.

Поднеся к носу хлеб, полной грудью вдохнул непередаваемый аромат чёрного хлеба с лёгкими нотками тмина. Божественный запах заставлял трепетать ноздри, навевал мысли о стопке водки, сале и зелёном луке. Водку мне пить рано, но последние продукты с радостью отведал бы вновь.

Кто-то толкнул меня в локоть. Рука дёрнулась, и кусочек хлеба обрёл свободу. Я с ужасом наблюдал, словно в замедленной съёмке, как он падает прямым на утоптанную тысячами людей землю. На душе заскребли кошки, причём делали это так, как будто закапывали то, что там оставили...

— НЕ-Е-Е-Т! — закричал я, когда корочка упала в пыль.

Окружающие маги вздрогнули, стали озираться в поисках кричавшего. Первым среагировал один из зрителей, который подскочил ко мне.

— Мальчик, что случилось? Тебе плохо?

— Мой хлеб... — с грустью и печалью я смотрел на павшее в неравном бою с гравитацией мучное изделие. — Он упал...

— Мерлин великий, дай мне сил! — простонал и закатил глаза зритель.

— Колин, пойдём, — за руку дёрнула меня Луна. — Что-то твои мозгошмыги сегодня расшалились.

— И так который день, — печально поведал в пустоту волшебник-зритель. — То ребёнок утащит у родителей палочку и ей раздувает слизняка, а как тот лопается, устраивает истерику, то великовозрастные детишки... — кинул он на меня укоризненный взор. — Из-за пустяка орут, словно под пыткой Круцио...

Мистер Лавгуд и Деннис терпеливо дожидались нас. Понимаю, что жалеть о кусочке хлеба глупо, но это было зримое напоминание о родине прошлого воплощения души, которое по своей же глупости испортил. Не поднимать же с земли еду, не настолько я оголодал. В конце прошлой жизни так бы и сделал, но не сейчас, имея на боку сумку, наполненную продовольствием.

Стоит отметить великолепную выдержку Ксенофилиуса Лавгуда. Мужчина и глазом не повёл на мою неприятную со сторонней точки зрения, выходку. Деннис привык не обращать внимания на выходки брата, лишь печально вздохнул и едва заметно покачал головой, будто про себя говоря: «Это же Колин! От него и от Луны можно ожидать чего угодно».

— Луна, ты чудо! — искренне сказал я подруге. — Ты всегда меня поддерживаешь и помогаешь. Спасибо тебе за всё.

— Спасибо, Колин, что ты есть у меня, — тихо ответила девочка.

Дойдя до брата и отца Луны, я обернулся назад и взглядом стал выискивать ржаного виновника чуть не случившейся со мной на ровном месте истерики.

Эх... Что-то неладное творится со мной в последнее время. То сны странные, то на глупые поступки тянет, теперь это. Неужели началось «ОНО»... самое страшное в жизни ребёнка и родителей... подростковое взросление с присущим ему гормональным бунтом!

— Мистер Лавгуд, простите, пожалуйста. Не думал, что так получится... Не хотел будоражить окружающих.

— Что ты, Колин, — широко улыбнулся Ксенофилиус. — Когда душа требует кричать, ты не должен ничего стесняться, пой, кричи — это абсолютно нормально. Замечательно, когда волшебник выражается через эмоции — это делает его сильнее тех, кто копит всё плохое внутри себя, позволяет волшебнику раскрыть новые грани магии.

Словно волнорез среди волшебников неспешно шествовал сухопарый, подтянутый, пожилой человек, в безупречно свежем костюме и галстук. Прбор в коротких седых волосах идеально прям, узкие, щёткой, усы, словно выровнены по линейке, а ботинки блестят как лаковые. Видимо, он важная персона, раз маги перед ним расступаются. Он выполнил указание одеться по-магловски так педантично, что запросто мог сойти за банковского служащего. Даже наш отец не распознал бы в нём мага.

За этим джентльменом семенило крохотное создание. Это существо с короткими ножками, в котором я распознал домового эльфа женского пола, едва поспевало за хозяином. Эльфийка была закутана в чайное полотенце, повязанное на манер тоги. Её уши — длинные, как у летучей мыши, а также громадные карие глаза и нос, по форме и размеру точно соответствующий спелому помидору — были типичными для представителей этой иномировой расы.

Волшебники в силу презрения к домовым эльфам не спешили смыкать ряды, держались от

прислуги подальше, оттого вокруг джентльмена и его служанки образовалось свободное пространство.

— Здравствуйте, мистер Крауч, — поприветствовал джентльмена смотритель.

— Бэзил, болгары уже прошли на трибуну? — сухо спросил Крауч.

— Да, мистер Крауч, не все, только их министр с сопровождением, — ответил смотритель Бэзил.

Вдруг домовая эльфа наступила на ту самую злополучную хлебную корочку. Она поскользнулась, взмахнула руками и упала на землю за спиной хозяина.

Это падение вызвало целую цепную реакцию. Вдруг из ниоткуда на земле появился взрослый мужчина чуть старше тридцати лет. Он был одет в такой же костюм, как мистер Крауч. Соломенные волосы рассыпались по лицу, которое очертаниями очень походило на физиономию вмиг побледневшего мистера Крауча, молочно-белая кожа в веснушках, остекленевший, безжизненный взгляд смотрит вдаль, словно в никуда.

Хотя если присмотреться, то было понятно, что лежащий на земле мужчина не появился из воздуха при помощи портала или аппарации, как можно было бы подумать. Лежащая возле него мантия-невидимка, переливающаяся в лучах светильников, намекала на то, что он шёл за Краучем, скрываясь под ней. Эльфийка упала ему под ноги, мужчина споткнулся, а мантия-невидимка свалилась с него.

— Барти Крауч-младший, — ахнул мистер Лавгуд. — Он же считался погибшим в Азкабанае в восемьдесят четвёртом году!

— Винки так виновата! Винки не хотела! — взывала домовая эльфа. Она стала нервно дёргать себя за уши. — Простите, хозяин, Винки не смогла уследить за хозяином Барти.

— Что здесь происходит? — взволнованно спросил Бэзил, резко выхватив волшебную палочку и наставляя на лежащего на земле мужчину.

К нему подключился второй смотритель, который спросил у джентльмена:

— Мистер Крауч, что это значит? Объяснитесь, будьте любезны!

— Винки не хотеть... Я...я... я не сама упала, — воскликнула домовая эльфа. — Это всё проклятый хлеб! — пнула она ногой злополучную корочку Бородинского.

— Это просто недоразумение, — холодным тоном произнёс Крауч (старший).

— Инкарцери!

Бэзил связал мужчину, который начал подниматься с земли. Смотритель был весь дёрганый и кидал опасливые взгляды на Крауча-старшего. Он явно опасался идти против, как я понял,

начальства, но всё же набрался смелости на противостояние с руководителем.

— Тогда как вы объясните, мистер Крауч, что рядом с вами под мантией-невидимкой шёл ваш сын, который погиб много лет назад в тюрьме? — спросил он.

— Может быть, Бэзил, хочешь сказать, — вдруг заговорил мистер Крауч с холодной злостью в голосе, — что я освободил своего сына из тюрьмы и привёл его на чемпионат?

Воцарилось очень неприятное молчание. Бэзил, похоже, испугался:

— Мистер Крауч... Я бы никогда так не подумал, если бы не видел своими глазами...

— Ты готов обвинить меня в преступлении... Даже не предположив, что это может быть не человек, а искусно трансфигурированный голем, созданный отцом, который убивается горем... — с нажимом продолжил Крауч старший.

— Я не знаю... Это странно... — пролепетал Бэзил, чувствуя себя до крайности неловко.

— И я надеюсь, ты помнишь, что за свою долгую карьеру я много раз доказывал, что ненавижу и презираю Тёмные Искусства и тех, кто их практикует? — глаза мистера Крауча полезли из орбит, а его настойчивости и суровости позавидовали бы многие.

— Вяжите всех, в аврорате разберутся! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Да! Давайте всех в аврорат! Больше сдашь, выше премия будет...

— Мистер Крауч, это уже выходит за все рамки, — покачал головой второй зритель. — Я вызываю аврорат, пусть они со всем разбираются.

Крауч-старший, до этого стоящий на месте, вдруг резко выхватил волшебную палочку:

— Протего! — выставил он перед зрителями магический щит. — Ацио сын, — подтянул к себе манящими чарами тело Крауча-младшего.

Похоже, что он хотел аппарировать вместе с сыном. А в том, что это именно сын, а не голем, больше ни у кого не возникло сомнений. Только Крауч-старший забыл, что находится на мероприятии, на котором опасаться стоит не только зрителей. Вокруг сотни волшебников, у каждого из которых с собой имеется палочка. А шум собрал вокруг действующих лиц приличную толпу.

Итогом стало то, что сразу несколько магов решили показать удаль — в обоих Краучей полетели красные лучи оглушающих заклинаний. Досталось всем, и старшему, и младшему Краучу, который и так был связан, словно гусеница в коконе, заодно пара Ступефаев прилетела и домовая эльфе.